

**THE
NEW REVIEW
Новый Журнал**

Основатели — М. Алданов и М. Цетлин — 1942

С 1946 по 1959 редактор М. Карпович

С 1959 по 1966 редакция: Р. Гуль, Ю. Денике, Н. Тимашев

Двадцать девятый год издания

РЕДАКТОР: РОМАН ГУЛЬ
СЕКРЕТАРЬ РЕДАКЦИИ: ЗОЯ ЮРЬЕВА

NEW REVIEW, September 1970
Quarterly, No. 100
2700 Broadway, New York, N.Y. 10025
Subscription Price \$10. — for one year
Publisher: New Review, Inc.
Second Class Mail postage paid
at New York, N.Y.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
<i>Роман Гуль</i> — Сотая книга	5
<i>Вячеслав Иванов</i> — Неизвестные стихи	7
<i>Анатолий Кузнецов</i> — Артист миманса	10
<i>Игорь Чиннов</i> — Стихи	37
<i>Георгий Адамович</i> — Игла на ковре	39
<i>Дмитрий Кленовский</i> — Стихи	60
<i>В. Шаламов</i> — Надгробное слово	62
<i>Олег Ильинский</i> — Стихи	76
<i>Л. Ржевский</i> — Монологи и паприка	78
<i>Иван Елагин</i> — Стихи	95
<i>Гайто Газданов</i> — Эвелина и ее друзья	97
<i>Ирина Одоевцева</i> — Стихи	109
<i>В. Вейдле</i> — О двух искусствах: вымысла и слова	110
<i>Николай Моршен</i> — Стихи	134
<i>Аркадий Белинков</i> — Что делал Ю. Олеша в газете «Гудок»	136
<i>Юрий Иваск</i> — Стихи	153
<i>Зинаида Шаховская</i> — Стихи	154
<i>Марк Слоним</i> — О Марине Цветаевой	155
<i>Странник</i> — Стихи	180
<i>А. Величковский</i> — Стихи	181
<i>Гордон МакВэй</i> — Советские поэты о Сергее Есенине	182
<i>Глеб Глинка</i> — Стихи	195
ВОСПОМИНАНИЯ И ДОКУМЕНТЫ:	
<i>Г. Вернадский</i> — Из воспоминаний	196
<i>Н. Ульянов</i> — Курмасцеп	222
<i>Н. Рахманинова</i> — С. В. Рахманинов	245
<i>Татьяна Фесенко</i> — Живой как жизнь. Письма К. Чуковского	260
<i>Эмигранты у Богомолова</i>	269
<i>Из истории партии с.-р.</i>	280
ПОЛИТИКА И КУЛЬТУРА:	
<i>Б. Унбегаун</i> — Происхождение русского литературного языка	306
<i>Р. Плетнев</i> — О циклах русской истории и литературы	320
<i>А. Авторханов</i> — Ленин и ЦК в октябрьском перевороте	329
<i>С. Пушкарёв</i> — Ленин и США	350
<i>В. Пирожкова</i> — Германия на наклонной плоскости	375
<i>А. Иванов</i> — Миграционные процессы в СССР	390
<i>К. Павлов</i> — Политика Москвы и Пекина в Азии	403
<i>Д. Шуб</i> — Из давних лет	418
ПРИВЕТСТВИЯ	428
БИБЛИОГРАФИЯ:	
<i>С. Пушкарёв</i> — Записки Русской Академической Группы в США. Том III	429

PRODUCED BY RAUSEN LANGUAGE DIVISION
150 VARICK STREET, NEW YORK, N. Y. 10013

АРТИСТ МИМАНСА

1

Илью Ильича обидели. Это случилось вечером, в третьем акте.

Одетый в малиновую ливрею, белые чулки и туфли с пряжками, Илья Ильич обязан был выйти на сцену и раздать балеринам кубки из позолоченного папье-маше.

Он смирно стоял с подносом в кулисе № 2, ожидая, когда в оркестре свиснет флейта — тогда пора идти. Кулиса была его, он всегда здесь стоял.

Партию принца исполнял талантливый премьер балета Валентин Борзых. Совершая свои коронные прыжки, несколько увлекшись и опьяненный аплодисментами, он в последнем прыжке ошибочно влетел во вторую кулису, прямо на Илью Ильича.

Принц был в белоснежном камзоле и белом трико, в белокуром паричке, с напудренным и нарумяненным лицом, воздушный и женоподобный, но ударил он Илью Ильича, как чугунная пушка.

Старик был сбит с ног, кубки взлетели золотым фонтаном и рассыпались, как горох, по сцене. По зрительному залу прокатился смех.

— С-стоит, с-волочь... — зашипел принц, добавив слова покрепче, потому что и сам ушибся; но тут же засиял ослепительной сценической улыбкой и мягким балетным шагом пошел на поклон.

На Илью же Ильича накинудся помреж, затем прибежал ведущий спектакля с воплем: «Сколько говорено, чтоб посторонние не торчали в кулисах! Как твоя фамилия?» — и записывал на бумажке.

Илья Ильич не был посторонним: предстоял его выход. Ведущий мог бы не обращаться к нему на «ты»: он был мо-

ложе на двадцать пять лет. Премьер не должен был запрыгивать в эту тесную кулису: он всегда уходил в кулису № 5, сейчас просто туда не допрыгал.

Но Илье Ильичу некогда было размышлять об этих пустяках, он проворно заползал среди крахмальных пачек балерин на четвереньках, и пока помреж с ведущим пререкались, ловко все подобрал — и спрятался, вызвав в зале новый взрыв смеха.

Ведущий схватился за волосы: именно сегодня была получена накачка от дирекции, чтобы не было накладок, ибо в зале присутствовал сам секретарь обкома.

Но тут в оркестре пискнул, наконец, сигнал флейты, загремело «форте», пошли с подносами все лакеи, и ведущему ничего не оставалось, как вытолкнуть Илью Ильича снова на сцену.

На ролях лакеев, кроме штатных единиц, подрабатывали приходящие студенты. Один из таких нештатных юркнул вдоль законного ряда Ильи Ильича и подал балеринам кубки, так что, когда подоспел Илья Ильич, кубки никому не понадобились.

Здесь он совершил вторую и роковую накладку. Он не мог уйти обратно с полным подносом. Это было неестественно и с его лакейской точки зрения абсурдно. Он заметил, что на другой стороне кто-то остался без кубка. Поэтому он пересек по диагонали всю сцену, и когда кордебалет жестами античных богов вскинул это позолоченное папье-маше за здоровье принца с принцессой, вспотевший и несчастный Илья Ильич все еще путался перед рядами, предлагая злополучные кубки.

Наконец он догадался ретироваться. Расстроенный, с почти полным подносом, он ушел за кулисы — и увидел, что там уже скандал.

Сам главный балетмейстер, этот бог в человеческом облике, распинал начальника цеха миманса; все прочие начальники стояли вокруг и подсказывали балетмейстеру нужные выражения. Начальник цеха миманса привычно-покаянно кивал: «Признаю... ошибки, сегодня же приказ... на общем собрании... обсудим». Он ястребом взглянул на Илью Ильича, и тот, поняв, немедленно исчез, как дым.

2

Балет со стороны кулис выглядел совсем не так, как его видят зрители. Это была тяжелая, довольно нервическая, суматошная работа людей многих цехов.

В полутьме, среди пыльных холстин и сваленных грудями декораций, озабоченно сновали бутафоры, костюмеры, артисты. Балерины топтались в ящике с канифолью, нервничая и ссорясь. Ведущий пробегал в панике со словами: «Королева на выход! Где королева, черт возьми?» Осветители флегматично тянули кабели, о которые все спотыкались. Солисты, «друзья принца», гоготали у люка, рассказывая последние анекдоты. Прима-балерина истерически ругалась с костюмершей из-за лопнувшего шва. Машинисты озабоченно включали рубильники на щитах. Гудели моторы и скрипели блоки. С танцоров, являвшихся со сцены, лил градом пот, они промокали усталые лица туалетной бумагой и обмахивались полотенцами. Скучали, кажется, одни лишь нелюдимые пожарники.

На освещенном пятачке сцены сходились, как в фокусе, все усилия, там происходила удивительная показуха — чудо искусства. По ту сторону рампы пульсировал и вздыхал, как одно тысячеликое мохнатое существо, пятиярусный зрительный зал, который пришел смотреть именно эту показность. Он волновался, переживая хорошо отрепетированные ситуации, взрывался восторгом при каскаде ослепительных фуэтэ примы-балерины, но ему совсем не нужно было видеть пот, который в это время веером слетал с нее и лица стоявших на сцене.

Благополучно одолев переплетения стоек и кабелей, Илья Ильич понес в бутафорскую свой поднос с кубками. Все его выходы и стояния на освещенном пятачке закончились, по крайней мере, на сегодня.

Там, в оркестре, глухо зарокотала трагическая тема, пятачок погас, злой колдун поволок принцессу, и еще целый акт предстояла борьба добра и зла, но в ней артисты не участвовали.

Сдав бутафорию, Илья Ильич зашел в крохотный душный

гальюн с серым от старости унитазом, заперся на задвижку, поднял рубашку и ошупал ребра. Щупал долго и обстоятельно: ему казалось, что при ударе у него что-то сломалось. Но ребра были целы, и он успокоился.

Ему очень не хотелось сразу подниматься в уборную миманса. Он знал, что на лестнице в эту минуту караулили театральные парикмахеры, отбирая у миманса парики. Кто-то когда-то унес парик, и вот парикмахерскому цеху приказом было вменено в обязанность выдавать парики по списку, забирая тотчас по выступлении. Эта процедура казалась обидной Илье Ильичу, вся жизнь которого прошла в театре, он всячески хитрил, стараясь ее избежать.

Кроме того, наверху его ждал, без сомнения, обозленный начальник цеха миманса; благоразумнее было дать ему время поостыть. И выгадывая время, Илья Ильич отправился в буфет.

Буфет для актеров помещался в полутемном подвале без окон. Почему-то за сценой все подсобные помещения, коридоры, переходы плохо освещались, были ободраны и мрачны, никого это не удивляло. Так в этом театре было испокон веков: для зрителей — свет, блеск, многопудовая бронза, плюш, а за кулисами черт те что, скверность одна.

Начался антракт, и в буфете столпилось много народу. Стойку осаждала очередь: балерины в трескучих пачках, придворные дамы в кринолинах, пажи, оркестранты, а в хвосте очереди стояла сама вдовствующая королева — злостная сплетница Мария Поликарповна Парыгина. По штатному расписанию она числилась в том же цехе миманса, к которому принадлежал Илья Ильич. Но ей платили с надбавкой, потому что она была солисткой миманса, обычно изображая величественно выступающих царственных особ. Из всех статистов она лишь одна присутствовала на главных репетициях, ее имя даже печаталось в афишах, хотя собственно ее работа заключалась всего лишь в сидении на троне и кивании головой, то есть не была сложнее, чем роль лакея или какого-нибудь мавра с опахалом.

Илья Ильич стал в очередь за королевой и стоял угнетающе долго, потому что со стороны подходили то гримерша от

примы-балерины, то администратор, то секретарша, и все они совали деньги поверх голов. Опытная буфетчица хорошо разбиралась, у кого надо брать деньги через головы, а кто может подождать.

Чувствуя нестерпимую жажду, не отойдя еще от давешней обиды, Илья Ильич вдруг словно проснулся и впервые с горечью увидел эту несправедливость. Он, медленно, но верно вскипая, смотрел, молчал, но когда подошел танцующей походкой, поверчивая задом, премьер Валентин Борзых и подал рубль перед носом королевы, Илья Ильич, весь задрожав, громко сказал:

— Не отпускайте без очереди!

— Мне сейчас выходить, — объяснил премьер.

— Другим тоже выходить, вот Марье Поликарповне, например, — возразил Илья Ильич. — Вам должно бы быть стыдно, вы же мальчишка и суете рукавами женщине в нос.

Премьер удивился, очень он удивился, так удивился, что даже не сказал ни слова, лишь посмотрел на Илью Ильича таким изумленным взглядом, — сверху вниз, — будто какая-то муха, ползавшая по его рукаву, вдруг произнесла цитату из Гегеля.

— Может, вам позволено сшибать людей в кулисах, — сказал Илья Ильич, близкий к истерике, — но люди все равны; здесь есть очередь, это в конце концов возмутительно и... и...

Но все в очереди, потупив глаза, молчали, а буфетчица взяла у премьера рубль, не замечая отчаянно протянутой руки Ильи Ильича. Премьер получил виноградный сок, бутерброд, не взял сдачи и ушел, забыв об Илье Ильиче.

Очередь продолжала молчать. Илья Ильич по этому молчанию понял, что его выходка не поддержана, скорее осуждена. Если до сих пор никто об этом не заикался, может, так нужно? Так должно? Иначе не бывает? А тот, кто заикается, прикасается к тому, к чему не следует — и он так же нелеп, как если бы публично развесил по стульям исподнее. Исподнее существует в каждом театре свое, но никому не позволено выставлять его публично, в лучшем случае им займется время. Или дирекция.

Получив кружку пива, он с горя затиснулся в самый темный угол. Там за колченогим столиком допивал черный кофе такой же старый, как он, неудачник — гобоист Паша Платонов из оркестра.

Илью Ильича уже не мучила жажда, ему не хотелось пива — ему захотелось поскорее умереть. Жизнь показалась ему совершенно безразличной. Он почувствовал, как, наконец, от нее устал.

— Валторна в третьем акте такую киксу дала, — сказал Платонов, с омерзением сплевывая попавшую в рот гущу. — Шеф аж закачался. Слышал?

— Нет, — сказал Илья Ильич.

— Да что ты, я думал, на улице было слышно! Этот тунец Чертков. Шеф его шуганет, готов пари держать... Плюнь, не переживай. И какого лешего ты с ним, сопляком, беседовал? Пушай! Они — премьеры. Они живут в высоких сферах искусства, и указанное искусство зависит от их левой ноги. До того ли им, чтобы толкаться в очередях?

— У нас все равны! возмущенно сказал Илья Ильич.

— Равны-то равны. Но скажи на милость, сколько ты получаешь и сколько получает он?

— Какое это имеет значение?

— Такое. Ты поедешь домой в трамвае — он в собственной машине. Потому что он делает шестнадцать антраша, и зал рыдает. Ты же разнес свои бокалы на подносе — и пошел вон. Чего же ты лезешь в амбицию? Кто ты такой?

— Он сегодня сбил меня с ног, — сообщил Илья Ильич.

— А!... Тем хуже для тебя, — философски заметил Платонов. — Не стой на пути премьеры.

Он старательно почистил свой черный музыкантский костюм и пошел в оркестровую яму.

Илья Ильич попробовал пиво. Было оно бессовестно разбавленное водой. В душе упрямо и горько сосало.

К столику подсели три балеринки и, не обращая внимания на старика, зачирикали о скандале, который прима-балерина учинила в дирекции, узнав, что роль Авроры отдадут молодой претендентке.

Молодые балеринки были за молодую претендентку, справедливо считая, что прима выстарилась, и они были тысячу раз правы, только не помнили, что выстарятся сами тоже. А Илья Ильич служил так давно, что помнил еще прежнюю приму, которую публика носила на руках. Теперешняя прима тогда совсем молоденькой девчушкой явилась из балетного училища и получила роль Одетты... Неизвестно даже, куда делась та старая экс-прима — может, преподает где-нибудь в хореографическом кружке при клубе железнодорожников, а может, мирно доживает замужем. В балете, как нигде, быстро сходят со сцены. Особенно премьеры и примы: они не остаются на второстепенных ролях, а слетают сразу — и навсегда.

Здесь он не отказал себе в удовольствии заранее злорадно вообразить, как будет сходить со сцены нынешний премьер. Утешение было, впрочем, слабое, потому что его место займет другой такой же, ничем не лучше.

В буфете висел репродуктор, транслировавший сцену. Начиналось вступление к четвертому акту. Собравшийся было уйти Илья Ильич задержался и послушал краткое соло гобоя — это отличался его друг Платонов. Гобой хорошо сыграл, проникновенно. А дальше Ильи Ильич не стал слушать. Он давным-давно знал всю партитуру наизусть.

По пути наверх, на узкой лестнице, он шарахался и притискивался к стене, пропуская несущихся сверху, пахнущих гримом и пудрой танцоров и балерин; они находу тоже склоняли имя примы.

Зато парикмахеров на лестнице уже не было, и Илья Ильич, торжествуя, пошел на пятый этаж, не снимая парика.

3

Существуя с незапамятных времен, Театр Оперы и Балета имел свои незыблемые устои, историю, законы, традиции, то есть устройство сложное, многоярусное не только в архитектурном отношении.

Собственно, это было целое небольшое царство-государство — со своими премьерами и уборщиками, военизированной охраной и спецчастью, бухгалтерами, билетерами, рабочими,

парикмахерами и так далее, и все это были весьма различные коллективы со своими цеховыми интересами, своим бытом и спецификой. Далеко не всем даже удавалось видеть то, что они делали.

Так, оркестранты сроду не видели спектакля толком, но всегда — снизу, из своей ямы, и то лишь та половина, которая сидела ближе к зрителям. Буфетчица слушала только по радио. Парикмахеры видели сцену с колосников. Нотные библиотекари встречались с билетными кассирами лишь на общих собраниях. А какой-нибудь столяр мог проработать в декоративном цехе двадцать лет, так и не познакомься ни с одним актером. Более того, между самими актерами были четкие границы.

У главных, ведущих премьеров уборные были персональные — просторные, у самого выхода на сцену, святая святых, куда Илье Ильичу и заглянуть не полагалось. Там стояли вазы под цветы и сифоны с газированной водой.

На втором этаже помещались уборные для обычных солистов, тоже комфортабельные, хотя и явно победнее. Туда подавались два сифона на всех, а в вазах не было надобности.

Кордебалет (или хор, если шла опера) занимал третий этаж, по восемь-десять человек в комнате, при чем у них стояли просто бачки с кипяченой водой.

Четвертый этаж занимал аристократический технический персонал с полутворческим оттенком: здесь были гримерные, костюмерные, сапожничские.

И уж под самой крышей, на пятом этаже, находилась одна общая уборная для статистов — длинный зал с низким потолком, узкими окошками-бойницами, насквозь пропахший смесью потной обуви, вазелина и пудры. Неприятательный цех миманса галдел, переодевался, гримировался тут всем скопом. На всех была одна раковина с краном, прямо из которого и пили воду, потому что кружки никогда не было. И вечно шла борьба за табуретки, их нехватало.

Впрочем, не всегда. Для скромно-камерной «Мадам Баттерфляй» нужен был только один статист, изображавший слугу с зонтиком. Илья Ильич гримировался под японца в грустном

одиночестве. Зато монументальной «Царской невесте» требовалась целая банда свирепых опричников с пищалями и секирами, и тогда цех миманса походил на разбойничий стан.

О, нет, Илья Ильич ел свой хлеб не даром. В ином спектакле ему доводилось перевоплощаться множество раз. В первом акте «Кармен» он изображал прохожих, не менее десятка разных прохожих, затем устраивал с другими статистами панику при побеге Кармен. Во втором акте он служил в кабачке и почтительно выслушивал хвастливую арию тореадора, но тут же сломя голову мчался наверх, чтобы перевоплотиться в контрабандиста. Но больше всего ему нравилось последнее действие, где он был темпераментным не то пикадором, не то матадором — он так и не постиг премудрость корриды, но, в общем, ему давали две такие стрелки с красными перьями, и другому мимансу тоже давали, и они несли их через сцену в вытянутых руках. Потом под крики своего начальника галопом бежали вокруг задника — и снова несли, так несколько раз, чем достигался эффект массовой сцены.

Итак, благополучно избежав засады парикмахеров, Илья Ильич поднялся в уборную миманса, увидел, что и тут он рассчитал правильно: начальника цеха уже не было. Костюмерши уносили вороха камзолов. Студенты разбежались, лишь трое сидели в трусах на табуретках и говорили о футболе. В помещении стоял тяжкий банный дух.

Вдоль стен тянулись ряды позеленевших зеркал со столиками, усыпанными коробками из-под грима, бумагой, тряпичками, яблочными огрызками. Давным-давно Илья Ильич, выделяясь из общей неразберихи, самовольно присвоил ящик углового стола. Маленьким ключом он открыл замочек и достал собственную пачку бумажных салфеток. Уж два месяца не выдавали туалетную бумагу, начальник клялся, что перерасходованы нормы, а вытираться ключьями газет Илья Ильич ни при каких условиях не стал бы.

Он аккуратно снял грим, думая о чем-то своем, не глядя в зеркало. Свое лицо он знал наизусть и никогда не пугал остатками грима кондукторов последних ночных трамваев.

Ящичек его был в идеальном порядке: аккуратно застлан

чистой бумагой, слева лежали салфетки, коробка с гримом, пузырьки, кисточки, карандаши, посредине — немного подсохший бутерброд с кабачковой икрой, а справа — книга писателя П. И. Мельникова (Печерского) «На горах», том второй, которую он уже полгода читал, если бывал свободен в каком-нибудь акте.

Надобность в личнособственническом замочке объяснялась тем, что не одна туалетная бумага, но и грим выдавался по жестким нормам. Эти беззаботные лоботрясы приносили его в кармане, мазались неэкономно, к концу квартала начинали кланчить и воровать друг у друга, а Илья Ильич этого не выносил.

Старательно развесив на плечиках свою ливрею с галунами, он облачился в повседневные штаны и пиджак, увидел в зеркале свою усталую физиономию с мешками под глазами и отвернулся. Взял было бутерброд, подержал в руке и тихо положил обратно.

— Лобановский за левого крайнего — вот был бог, — сказал кто-то из лоботрясов; остальные задумчиво кивали головами.

— Бога не было, — сказал Илья Ильич в каком-то странном трансе, и все удивленно на него посмотрели.

Он запер ящичек и, не прощаясь, вышел. Спустился этажом ниже, к парикмахерам — они беседовали о международной политике, дымя сигаретами у окна. Стены были увешаны косами, локонами, бородами, горы скальпов громоздились в корзинах и на столах.

— Паричок мой, пожалуйста... отметьте, — вежливо сказал Илья Ильич.

Один из парикмахеров поставил птичку в списке, взял парик и, метко прицеляясь, попал точно в корзину.

Илья Ильич, пошатываясь, поплелся вниз. Балет, видимо, кончился, так как со сцены валили усталые танцоры. Илья Ильич тоже устал, так смертельно устал, как никогда в жизни.

прокрался на цыпочках, стараясь не производить звуков и не разбудить внука и дочь.

На кухне ему была оставлена, как всегда, застывшая картошка на сковороде, котлеты из домашней кухни и малиновое желе. На веревке гирляндой висели влажные рубашонки, чулочки, штанишки, на крайних красовалась дыра. Илья Ильич сам покупал эти штаны на прошлой неделе в детском универмаге, их стоимость была равна его трехдневному заработку, поэтому он потрогал края дыры и вздохнул.

Жена Ильи Ильича умерла десять лет назад от рака легких. Она никогда в жизни не курила. На попечении Ильи Ильича осталась семнадцатилетняя дочь Люба.

Вечерами Илья Ильич бывал в театре, а днем почти не видел дочку, потому что она работала на трикотажной фабрике. Она бегала на танцы в парк, в Дом офицеров, знакомилась с курсантами, искала мужа, но не нашла, а лишь забеременела и родила мальчика. Так стало их трое.

Крышка, покрывавшая сковороду, с грохотом полетела на пол. Почему всякий раз, когда ты вот так тихо хочешь повернуться на кухне, обязательно что-нибудь с грохотом летит? Поднимая крышку, Илья Ильич свалил нож. От досады он махнул рукой и принялся есть картошку, не разогревая. У него вздрагивал подбородок, вилка мелко постукивала о сковороду, он не чувствовал ни вкуса, ни запаха, лишь машинально жевал, проглатывал и думал.

Много лет они с женой ждали очереди на квартиру. Когда Илья Ильич вернулся с войны, ему обещали дать квартиру в первую очередь. А жили они тогда в подвальчике и платили хозяину немалые деньги. Дочка родилась. Для театра строили дом в центре города, и Илья Ильич получил ордер на одну комнату. Приехали вселяться (то-то праздник был), а комната занята: родственник администратора захватил.

Потом люди растолковали, что когда получаешь ордер, беги в комнату и сиди, не выходя ни на минуту, хоть целый месяц, пока дом закончат. Но кто же знал? И скандала, волокиты было потом на полгода, и все равно они так перевернули, что и ордер Ильи Ильича оказался недействительным, и родствен-

ник остался в захваченной комнате. Обещали дать в следующем доме. А этот следующий дом выстроили только через пятнадцать лет, на далекой окраине, малогабаритный, с потолками, до которых достать рукой, но зато, правда, дали отдельную однокомнатную квартиру, с кухней, так что фактически кухня как бы и вторая комната. И одно было горько: жена умерла, так и не дождавшись своей квартиры.

Жену тогда положили в онкологический институт, шестнадцатая палата, первая койка слева. Он приходил, приносил мёд, дорогие апельсины, садился на белый металлический стул. Жена беспокоилась: «Ни к чему не прикасайся!» Он посмеивался, а она упрямо твердила, что рак заразен. Наперекор врачам почему-то все, абсолютно все больные в этом огромном здании считали, что рак заразен.

Вот они с женой беседовали об операции, метастазах, стадиях, сроках, по-деловому, серьезно беседовали, потом он приходит, а ему говорят, что тело жены в мертвецкой. И тоже по-деловому, понятно объяснили, как забрать, какие нужны формальности, подсказали насчет машины.

Долго потом, просыпаясь по утрам, ему приходилось внушать себе: «Надо жить ради Любочки», — это помогло, и вот они квартиру получили, устроились, он стал позволять себе кружку пива, остальное же все шло на дочь. Потому что немислимо сколько нужно нынче молодой женщине, чтобы быть привлекательной.

В годы юности Ильи Ильича девушки бегали в простых сарафанах — и нравились. Теперь нужны чулки за 4 рубля, которые цепляются за все, что ни попади, туфли за тридцать, у которых через неделю ломается каблук — и вот слезы, и вот горе. Раньше заплетали косу, и было очень красиво. Теперь — прически, лондатоны, «гаммы», лаки, перекиси... Девчонке с трикотажной фабрики как найти мужа без всего этого?

Когда-то они с покойной женой мечтали, что из Любы выйдет прима-балерина. Но выяснилось, что у нее, как и у матери, нет никакого слуха, чувства ритма, вообще нет никаких особых способностей.

Выдающиеся способности — но это ведь у редких людей.

Статистически мир складывается из просто людей, не из премьеров, а из большой массы кордебалета. Миманса.

Когда жену называли еще «ходячей больной», она обычно выходила к Илье Ильичу в коридор, где женщины вязали, играли в подкидного да обсуждали, кому и сколько жить. Одна, игравшая в карты, сказала: «Мне, девки, недельки три еще — и до свидания». Действительно, через три недельки померла. «Ну, надо же, — подумал Илья Ильич, — так просто сказала, ходя с восьмерок: «Мне, девки, недельки три еще — и до свидания».

Он обнаружил, что давно сидит, подперев голову, над пустой сковородкой.

Чтобы вскипятить чай — для этого он слишком устал, да и не хотелось ему ничего. Тихо прошаркал в комнату — кровать была приготовлена, одеяло отвернуто аккуратным уголком. Вот в чем нельзя было упрекнуть дочь — в неряшливости. Она всегда заботилась, чтобы в квартире было чисто и уютно. Не роскошно жили, но не хуже, чем другие. У них был и радиоприемник «Москвич», старенькая, правда, коробочка, но берет отлично; и телевизор небольшой, «Рекорд», приобрели в рассрочку. Литография с картины «Рожь» Шишкина. Стулья недавно сменили. Повсюду вышитые думочки, покрывальца; тюль на окнах.

По привычке Илья Ильич проверил внука — тот, конечно, лежал ничком поверх одеяла, раскидав руки и ноги, как парашютист в свободном полете (недавно была такая фотография в журнале «Огонек»).

Наведя порядок, старик разделся в темноте и лег в холодную постель, но едва он закрыл глаза, как почувствовал такой удар, что чуть не свалился с постели. Он задохнулся от боли в ребре, посыпались облупленные бокалы из папье-маше, а ведущий закричал: «Как твоя фамилия?» — и записывал на бумажке.

Дивясь такой чертовщине, Илья Ильич пощупал ребра: в одном месте, если надавить, чуть болело, но — не стоящий внимания пустяк. Закрыл опять глаза, пытался принять удобную позу, но едва начинал засыпать, как на него налетал один

премьер, другой премьер, третий, и под конец он уже не знал, куда деваться, где ему стать, как на всех угодить: если он подбирал бокалы, на него вопили, если не трогал — еще больше вопили: дескать, специально рассыпал, чтобы навредить. Кругом он был виноват, кругом виноват.

Он перевернулся на другой бок, но оказался в пугающе длинной очереди, она не двигалась, потому что разные принцы с накрашенными лицами подавали и подавали через головы рубли, а очередь не протестовала, лишь задние напирали и нажимали друг на друга; это было единственное, что умела очередь; давиться, протягивая руки, которых буфетчица не хотела замечать...

От такого кошмара у Ильи Ильича выступила испарина на голове. Он пересиливал себя, вставал и ходил по комнате, засовывал под одеяло безмятежно спящего своего парашютиста, ложился, но несчастья опять преследовали его: ему запрещалось иметь личный ящичек как противопоставление себя коллективу; затем его отдавали под следствие за хищение парика; Платонов в оркестре делал немыслимую киксу. И все это было так ужасно, просто конец света, так что театр начинал гореть, с дымом и треском рушилось царство-государство.

5

Придя на службу, Илья Ильич обнаружил театр на месте, целый и невредимый. Но сон все же оказался в руку.

На доске приказов, там, где висят расписания репетиций и объявления о занятиях по марксизму-ленинизму, был приколот кнопкой лист, один из параграфов которого касался лично Ильи Ильича. За вчерашнее халатное отношение к своим обязанностям ему (фамилия, имя, отчество прописными буквами) объявлялся строгий выговор.

Илья Ильич оторопел и дважды перечитал бумажку.

— Вот так у нас, — сказала невесть как очутившаяся рядом Марья Поликарповна Парыгина. — Как сами, так делают, что хотят, а порядочному человеку ни за что — выговор.

— Право, я сам очень удивлен... — сказал Илья Ильич дрожащим от обиды голосом.

— Чему удивляться, милый, чему удивляться? В этой жизни я перестала удивляться. Ждешь беду отсюда, а не из-за другого угла тебя мешком. Но я бы на вашем месте так не оставила.

— Да, я пойду и объясню, — сказал Илья Ильич. — Как же это делается? Не разобравшись... Они не имеют права!

— Иметь-то имеют, — сказала Марья Поликарповна. — Но неприятно. Я вам сочувствую.

— Я стоял во второй кулисе, — сказал Илья Ильич. — А принц уходит в пятую. И вот...

— Да, да, — сказала Марья Поликарповна. — Вы пойдите и расскажите, без крика, спокойненько. Правда, у вас ничего не получится, но вы почувствуете моральное удовлетворение.

Начальник цеха миманса приспособил себе под кабинет крохотную кладовку на пятом этаже, у входа на чердак. Он был там, сидел, как паук в своем закутке, составляя ведомость на зарплату.

Фамилия его была забавная — Чижик. Чем-то он соответствовал фамилии, потому что вечно летал по театру, кричал, там помогал, там мешал, многоцелевой и суматошный, и порядок в мимансе достигался ценой великой суеты с криком и бранью, о которой, впрочем, Чижик моментально забывал. Возможно, только такой человек и мог справиться с анархичной оравой всех этих студентов и лоботрясов, и одному Богу ведомо, как он все-таки ухитрялся вовремя выпихивать их на сцену.

Безгранично почитая дирекцию, ловя на лету каждое указание, сгибаясь, подхалимничая и юля, Чижик, однако, с теми, кто был ему подчинен, превращался в льва рыкающего.

— Почему мне, не разобравшись, вынесли выговор? — волнуясь, но держа себя в руках, спросил Илья Ильич. — Ведь я всегда стою во второй кулисе. Принц, вместо того, чтобы уходить в пятую...

— Какое мне дело? — закричал Чижик, вдруг привычно рассвирепев, так как имел дело с подчиненным. — Ведущий по-

требовал докладную — я подал. Вас много, я один. Так каждый придет, наговорит, а я должен верить?

— Вы меня знаете, — убедительно сказал Илья Ильич. — Я столько лет работаю в театре... без... пятнышка.

Чижик с интересом посмотрел на него, склонив голову.

— Гм... Право, я здесь ни при чем. Я такой же подчиненный, как вы. Помочь ничем не могу. Там был ведущий, идите к нему и объясняйтесь. Ох ты, событие, выговор!... На мне их сто.

Илья Ильич подумал, молча повернулся и вышел. Будь он хоть самую микроскопическую малость виноват, он бы проглотил выговор. В жизни он не получал выговора и смутно себе представлял, какие неприятности из этого следуют, кажется, это лишает премиальных, или что-то еще, но не это его волновало, а сам факт. Здесь была нарушена элементарная справедливость. И он пошел ее искать.

После долгих блужданий по темным лабиринтам театра ему удалось обнаружить ведущего в нотной библиотеке. Там он просматривал партитуру сегодняшнего вечернего спектакля «Корневильские колокола».

Ведущий был человек молодой, из неудавшихся певцов. Он долго и нудно околачивался сперва в музучилище, потом в оперном хоре, но имел успех больше по общественной, чем по вокальной части. А так как, бегая по общественно-политическим делам, он постоянно мозолил глаза дирекциям, заседал с ними, привык запросто входить в кабинеты, то ему и диплом дали, и в театр приняли, несмотря на несостоятельность вокальную.

Этот тип людей непременно присутствует в любом искусстве. Они деятельно заседают, организуют секции, комиссии, что-то возглавляют и представляют убедительно и авторитетно, а пуще всего стоят на страже идейности, так что никто и заикнуться не рискует об их творческой бездарности.

В данном случае, однако, искусству еще повезло. Должность ведущего — чисто административная, умения петь не требует, и, уйдя из хора на повышение, он оказался в своей

тарелке: здесь он мог сколько угодно критиковать, указывать, поправлять и требовать от других того, чего сам не умел.

Но, как это бывает с людьми, добившимся положения исключительно благодаря свирепому комплексу неполноценности и потому дрожащими за свой авторитет, он никогда не признавал своих промахов. Он готов был скорее взорвать театр вместе с земным шаром, чем сознаться, что где-то он был неправ.

Вот почему он выслушал сбивчивое объяснение Ильи Ильича с таким же вниманием, как если бы тот просил об отдельной квартире для дочери.

— Дорогой товарищ, — сказал он, — я понимаю, что вчера вам было неприятно, когда на вас накричали. Вы знаете, что такое спектакль. Все мы нервничаем. С меня ведь тоже требуют, так? Я такой же подчиненный, как и вы. Давайте смотреть объективно: в спектакле случился «ляп». Был «ляп»? Был! Вы, да, да, вы ползали за этими кубками, потешали зал, потом еще что-то... И отменять приказ никто не будет. Это было бы смешно. Да, я писал рапорт и не собираюсь отказываться. А вам будет наука в другой раз.

— Но я не виноват!

— А это — как сказать. Товарищ, извините. До свидания!

— Тогда я буду жаловаться, — сказал Илья Ильич.

— Пожалуйста.

— Скажите мне, кому я могу подать официальную жалобу?

— Можно балетмейстеру, директору, министру культуры, в райисполком, Господу Богу Иисусу Христу, — не без юмора сказал ведущий и углубился в партитуру, показывая, что он уже выкинул из головы это дело.

Главный балетмейстер проводил репетицию в большом балетном зале. Танцоры в черных рабочих трико сидели по подоконникам, в центре зала солисты в поте лица бились над паде-трау, и балетмейстер возмущенно кричал:

— Стоп! Бред! Это тихий лепет на лужайке. У вас не руки, а протезный завод, ноги в сотой позиции! Куда вас занесло, кретины?!

Когда он бывал в творческом ударе, таким обычно становился стиль его работы. Он был талантливым балетмейстером, ставил недурные балеты, поэтому негласно считалось, что ему, как одаренной личности, простительно всякое. И главное, он сам так считал.

Работал он широко, с размахом, делая упор на самое главное, не распыляя талант на мелочи. Главным в балете были па-де-де и па-де-труа. Их исполняли премьеры, примы и солисты, ну, еще немного кордебалет, как фон, а насчет миманса — там он просто тыкал Чижика пальцем в грудь:

— Ваших олухов выставьте слева и справа штук по пять.

Чижик моментально запоминал, сколько, где и каких «олухов» надо выставить, и больше балетмейстер о мимансе не помнил. Напрасно, конечно. Настоящие балетмейстеры о мимансе как раз помнили. Он этого не знал. А может, знал, да забыл.

Илья Ильич пробрался к подоконнику и стал терпеливо ждать, когда балетмейстер окончательно замордует танцоров, замордуется сам и объявит перерыв. Но балетмейстер был вынослив. Он сыпал «паралитиками», «недоумками» до тех пор, пока не стал вырисовываться его сложно-новаторский план, и он бы еще гонял, но у примы оторвалась на пуантах лента, перерыв наступил сам собой.

Пока бегали в костюмерную за иглой, Илья Ильич робко приступился со своим делом.

Сперва главный балетмейстер не понял. Он смотрел, силился вспомнить и не мог сообразить, чего от него, собственно, хотят.

— Валентин Борзых толкнул? За ним это бывает. Человек работает. Но это же балет, а не богослужение! Не стойте, где не надо. А что вы хотите от меня, от меня? Какой приказ? Ах, я должен отменять? Ну, знаете ли, вы что, белены объелись, наверно двери перепутали, мне не до того, простите. Эй, вы там, филиал желтого дома! Сколько раз я говорил, чтобы запирали дверь! Не пускать посторонних. Повторяем кусок! Заняли места! Начали!

Не успел Илья Ильич рта раскрыть, как мускулистые мальчики из стажеров мягко вытолкнули его за дверь, и щелкнул

замок. Он еще ошарашенно постоял, слушая глухой топот вперемежку с вдохновенными криками маэстро, затем поплелся в дирекцию.

Дирекция была особым миром, Олимпом, в который Илья Ильич если когда-либо и входил, то не иначе, как непроизвольно ступая и теряясь. В отличие от других помещений тут лежали толстые дорогие ковры, стояла министерская мебель, машинистки казались кинозвездами. Ибо тут решались вопросы кардинальные: хозрасчет, гастролы, распределение ролей, оформление десяти кубометров доски-сороковки для декораций, количество лампочек для праздничной иллюминации. Естественно, как тут не растеряться скромному артисту миманса, пришедшему со своим личным пустяковым вопросом.

Директор, к счастью, был у себя. И уж совсем подбодрило Илью Ильича то, что, судя по табличке на двери, он явился как раз в день, когда директор принимает по личным вопросам.

В кабинете, однако, находились люди, и секретарша любезно предложила Илье Ильичу стул, чтобы присесть и подождать. Люди в кабинетах директоров имеют обыкновение долго разговаривать, шутить, но когда они все-таки стали по одному уходить, в кабинет вошел главный бухгалтер с кипой бумаг. Он, конечно, имел право входить в любое время без очереди, как и администратор и другие лица, которые запросто открывали дверь, входили, выходили, а Илья Ильич, тоскуя, мучительно вел счет: вот двое вошли, значит, там всего пять. Один вышел, осталось четыре. Еще двое вышли, но один вошел...

Уж совсем было освободился директор — и тут нагрянули иностранцы, холеные, в костюмах с иголки, с золотыми кольцами, и все пришло в движение, заметались секретарши, понесли в кабинет коньяки, минеральные воды, кофе, печенье в раскрытых коробках...

Гости ушли через час, когда приемная уже ломилась от ожидавшего народа. Директор показался в дверях, натягивая макинтош, его обступили — каждый со своим неотложным делом, и Илья Ильич тоже храбро стал толкаться. Директор говорил:

— Нет, нет, нам это не утвердят! Сами разберитесь! Я в министерство, да, да. Вы что, товарищ?

— Видите ли, — торопливо сказал Илья Ильич. — Я артист миманса. Я стоял во второй кулисе, и вот в третьем акте...

— Дорогой, по всем вопросам миманса — обращайтесь к Чижику, — сказал директор, дружески взяв его за локоть и сделав умоляющее лицо. — Извините, разрываюсь, спешу на совещание! Чижик ваш непосредственный начальник, он и только он один решает все... Я сказал: эти сметы пока отложите, да, да! Все, все!

Он, отмахиваясь, побежал быстрым шагом, а Илья Ильич еще постоял и только потом ушел. Круг замкнулся, но он никак не мог понять, принесло ли это ему моральное удовлетворение.

Гобоист Паша Платонов, не имея дома условий, репетировал обычно днем в театре. Илья Ильич нашел его в оркестрантской, одного. Отложив гобой, Платонов резал ножом большой огурец и макал его в соль на газете. Он обрадовался Илье Ильичу и предложил поделиться огурцом. От угощения Илья Ильич отказался, но поведал про свои мытарства.

Платонов отнесся к делу серьезно.

— С одной стороны, обидно, конечно, — сказал он. — С другой стороны, ты и сам какой-то... как ребенок, честное слово.

— Но ты сам говоришь, что обидно! — воскликнул Илья Ильич. — Они же все...

— Что они? Ну что? Не надо тебе думать, что кто-то желает лично тебе зла. Нет! Тебе никто не хамил, никто на тебя не цыкал, и вообще все отнесли к тебе со вниманием, кто как мог. Чижик, ведущий, директор, ты, я — все мы детали налаженного механизма. Но каждый занят своей задачей, и машина так устроена, что никому не дано стопорить ход, а то, может, и назад прикажешь сдавать? Ого, чего захотел!

— Но справедливость... — начал было опять Илья Ильич.

— О справедливости Чижик завопит, когда коснется лично

его самого! Но он побежит — и с ним будет то же, что с тобой. Чему нас не учили — так это внимательности. Каждый, пока над ним не каплет, равнодушен. Мы так хотим добра, мы такие хорошие, но когда рядом несправедливость, глухо молчим. Скажи, однако, пожалуйста, мало ли ты на своем веку видел несправедливостей? И что ты делал? Встревал ли ты, если тебя не касалось? Так и другой, и третий, и ваш Чижик такой, и все такие. Мы молчим, мы заняты. Для чужой беды мы очень заняты. А ты пошел добиваться чего-то, наивный человек!...

— Значит, я сам дурак? — уныло спросил Илья Ильич.

— Не исключается, — засмеялся Платонов. — На, поешь-ка огурчика!

6

Серьезный академический оперный театр поставил легкомысленную оперетку «Корневильские колокола» потому, что она была кассовым спектаклем. Привыкшие к оперному пафосу артисты плохо вживались в опереточную глуповатость, и спектакль получился и не умный, и не глупый, а какой-то придурковатый.

«Колокола» сильно всем надоели, но вкусам публики угождали, зритель шел, спектакль держался, хотя играли его уже почти автоматически.

В этот день спектакль был особо ответственный, потому что в зале присутствовал высокий иностранный гость, премьер дружественной страны. Он был с супругой и пожелал сидеть в партере, поэтому были аннулированы билеты первых пяти рядов, их заполнили телохранители и особо проверенные люди, создав из себя зону безопасности вокруг гостя. На сцене же с обеих сторон, невидимые зрителям, как обычно, сидели на стульях два человека в штатском, с пистолетами наготове.

Может, причина была в общей нервной атмосфере, или в чем другом, но, как на грех, в этот день работалось особенно скверно. Певцы отбарабанивали без души. В местах, где, казалось, сам Бог велел смеяться, зрительный зал мрачно молчал. Это в свою очередь угнетающе действовало на сцену, и началась та муть, которая для театра хуже всего: все видят, что

спектакль ползет по швам, но никто не ведает, как спасти, и каждый думает уж лишь о том, чтобы скорее все это как-то кончилось...

Илья Ильич изображал слугу, поселянина, носильщика портшеза и уличную толпу. Артисты миманса, поддавшись общему гипнозу, ходили плохо, стояли неправильно, ошибались, и Илья Ильич вместе со всеми думал: хоть бы скорей домой.

В интермедии, пока сменялись декорации, миманс изображал проход разных людей на ярмарку. Выдали стипендию, и студенты не явились, миманса было мало. Чижик экономно выпускал на авансцену одну за другой нужные группки, зал скрипел креслами, кашлял, сморкался. Человек в штатском у выхода на сцену сверлил актеров глазами, особенно тех, кто что-нибудь держал в руках.

Илья Ильич уже успел нарядиться под бродячего музыканта, Чижик навьючил на него огромный бутафорский барабан, сунул в руки заплатанную котомку и подтолкнул к авансцене:

— Не спеша, не спеша!

При виде котомки охранник напрягся и шевельнул пистолетом, так что у Ильи Ильича вдруг невольно похолодели ноги. То ли он испугался, то ли Чижик слишком подтолкнул, но Илья Ильич не удержал равновесия под тяжелым барабаном и споткнулся на ровном месте, едва не растянувшись на сцене.

Вероятно, это получилось комично, потому что в зале наконец кто-то засмеялся. Пытаясь удержать съезжающий проклятый барабан, Илья Ильич волчком закружился на месте, кое-как справился, посмотрел тоскливо на противоположный край сцены, откуда сверлил глазами второй охранник и куда еще нужно было доплестись, — и тут зал буквально взорвался в хохоте. Зал полагал, что это не настоящий старик, а искусно загримированный актер, что все так и надо.

И случилось чудо.

Илья Ильич проковылял и ушел, но все вышедшие за ним тоже встречались хохотом, а они это почувствовали и стали выжимать смех даже там, где сроду его не слыхивали.

Потом последовала красочная сцена ярмарки, сорвавшая

бурю аплодисментов. Артисты перестали ощущать глухую стену, вдруг явились блеск, сверкающее остроумие. Зал все смеялся, аплодировал, и спектакль закончился бурным успехом.

В конце последнего акта Илья Ильич оттащил в уголок портшез и только собрался идти наверх, как на него ястребом налетел Чижик.

— Директор в зале сидел! Прислал узнать: кто такой? Я побежал сам, даю полную характеристику, работает, говорю, тридцать лет. «Отметить!» Да ты понимаешь ли, наш миманс спас спектакль! Премий, дорогуша, нет, перерасход, но уж путевку по линии месткома...

Илья Ильич вытер платком лоб.

— Помилуй Бог, как это?... — пробормотал он. — Ничего я не хочу... Вы мне снимите, пожалуйста, выговор. Честное слово, не я виноват. Я ведь стоял во второй кулисе, а принц...

— Опять двадцать пять! — с досадой сказал Чижик. — Этого я не могу. Это такая механика: раз нажата кнопка, сработал рычажок — все, обратного хода нет. А сегодня, дорогуша, поощрение.

— Я не старался.

— Тем более. Значит — талант!

Илья Ильич пошел к лестнице и услышал, как за его спиной кто-то из солистов сказал:

— Вон тот, что с барабаном падал.

Нельзя сказать, что Илье Ильичу было неприятно слышать это. Размышляя над происшедшим, он стал подниматься на пятый.

Диво дивное! Парикмахер не стал вырывать парик, а попросил зайти на минутку, любезно усадил перед зеркалом и стал вертеть его, размышляя вслух:

— В следующий раз мы сделаем другой парик. Этакий пепельно-серый, растрепанный и в сосульках, как? Сегодня только и говорят, как вы повернули спектакль. Поздравляю.

Это был уже фурор.

Потом были еще разговоры. Вспоминали подобные случаи, знаменитого актера МХАТ'а, который, играя в «Ревизоре» кро-

хотную роль жандарма, потрясал зал. Илья Ильич, смятенный, поскорее переоделся, чтобы уйти от всеобщего внимания.

Внизу, уже в дверях, он столкнулся с Платоновым, который уходил с гобоем под мышкой.

— Я видел, — сказал Платонов первый. — Все в зале как заржут, думаю, что за черт? Гляжу, это ты. Здорово, брат! Я сам заржал.

— Сам не знаю, как получилось, — сказал Илья Ильич. — Ей Богу, не знаю... Выговор не сняли, путевку пообещали, но убей меня на этом месте, я не виноват!

Они вышли на улицу из актерского подъезда. Было еще не поздно, улица бурлила. Платонов глубокомысленно сказал:

— В том комедия, едри его в корень, что в этой нашей жизни сам не знаешь, что на тебя свалится. Но заметь, в жизни никогда не бывают одни несчастья. Неудачи, неудачи, потом — трах! — удача. Верно это сделано так специально, чтоб мы могли сравнивать. Вот сегодня и тебе повезло. Может, дубнем по этому поводу?

Они пошли в ресторан, сели в углу, заказали коньяку и дубнули. Закусили семгой. Гулять так гулять.

После третьей рюмки жизнь показалась Илье Ильичу вполне приемлемой. Он даже ужаснулся, как это он мог считать вчера ее постылой. Мысль его напряженно работала.

— По-слу-шай! — воскликнул он, озаренный внезапным открытием. — В следующий раз я надену парик пепельно-серый, растрепанный, в сосульках, а перед выходом пусть меня сильно толкнут... нет, я положу косяк и естественно споткнусь. Я все запомнил, как сегодня вышло! Я споткнусь так, что едва не упаду, но не упаду, лишь барабан перекатится на голову. Ничего?

— Ничего, — сказал Платонов. — И при этом смотри этаким недорезанным: чего, мол, скалитесь, думаете, легко такой барабан всю жизнь тащить?

— Да, да! Если это отрепетировать...

— Получится! — поддержал Платонов. — У тебя все получится, ты же талант. И япошка у тебя в Чио-сан хороший.

один грим чего стоит, а походка!... Да если разобраться, ты, может, не хуже иных премьеров.

Тут Илья Ильич некстати вспомнил, как его сбил с ног Валентин Борзых, и на миг негодование окатило его, даже заняло ребро.

— Ладно. Пусть они делают антраша, — возмущенно сказал он. — Пусть рыдает зал. Но ведь и мы кое-что можем?

— Можешь, душа любезный, можешь, — закричал Платонов. — Погоди, ты еще королей будешь играть!

Илья Ильич посмотрел на него потрясенно:

— Королей?

— Да! А чего бы и нет? Сиди себе на троне, кивай.

— А что? — храбро сказал Илья Ильич. — И королей могу. Я в театре всю жизнь. Я актер миманса. Скажи, пожалуйста, ты видел театр без миманса? Вот ты гобой, я мим. Убери нас — что останется? Одни премьеры на проволочках, так я говорю? Куда они без нас денутся?

— Так, старый дурак, правда, — сказал Платонов, прослезясь. — Похвалим сами себя. Давай за нас с тобой. За миманс, старик!

А. Анатолий (Кузнецов)

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА,
НАПИСАННОЕ ПО ПРОСЬБЕ РЕДАКЦИИ
«НОВОГО ЖУРНАЛА»

“Артист миманса” публикуется впервые без сокращений. В неполном виде он был напечатан в 1968 г. журналом “Новый мир” № 4, когда его редактором был А. Твардовский.

В юности я учился в балетной студии при Киевском Оперном театре, танцевал на сцене, из-за близорукости глаз вынужден был оставить балет, но продолжал работать артистом миманса. Были в нашем цехе старики, одного из которых, по-моему, даже и звали Илья Ильич, его я и взял прототипом этого рассказа. Все другие персонажи, буквально каждая сценка тоже взяты с натуры.

Публикация рассказа вызвала ряд осложнений. Сперва с уничтожающей критикой выступила “Литературная газета”. Почему-то она решила, что я описал Большой театр СССР, и

вот в нем были организованы “возмущенные” читательские обсуждения и письма в газету от художественного руководителя Туманова, известной балерины Лепешинской, руководителя оркестра и, конечно же, от “оскорбленных” артистов миманса.

В чем только меня не обвиняли: что очернил жизнь театра, что ее не знаю, вероятно, никогда не был за кулисами, и что описанный случай мог иметь место разве что до революции, когда актер был бесправен, но в советском театре такое невозможно, ибо если случится несправедливость, артист может пожаловаться в местком, за него вступится общественность — и так далее, вплоть до того, что, мол, иде автор видел за кулисами “пыльные груды” декораций...

Но о подлинных причинах, вызвавших такую злобу, газета и не заикнулась, их изложило Тульское КГБ, вызвав меня. Два офицера КГБ К. Егоров и А. Коровкин устроили мне, можно сказать, полный допрос: что я имел в виду, говоря о “премьерах на проволочках”? Ведь слово “премьер” имеет смысл “глава государства” прежде всего, не так ли? Что это за сочувственное противопоставление “миманса” — “премьерам”? Этот гост “За миманс” в конце? Особенно их взбесило описание ведущего, который бездарен и ничтожен, но руководит, поучает других тому, чего сам не умеет, и готов лучше взорвать земной шар, чем признать, что в чем-то ошибся. Из рассказа явствует, что Илья Ильич и Платонов — неудачники, но разве могут быть в СССР неудачники? Кому на руку может играть такой рассказ-аллегория, где под театром с его безобразиями можно понять все советское государство?

Мои оправдания они слушали с недоверием в глазах, однако, материала для обвинения было недостаточно: аллегория дело шаткое.

После этого за мной особенно усилился надзор КГБ, меня регулярно вызывали на беседы, но хуже всего оказалось собеседование в ЦК КПСС. Меня вызвал зам. нач. отдела культуры Ю. Мелентьев, к нему присоединился работник ЦК А. Беляев, специально усадили меня лицом к свету и стали задавать вопросы примерно такие же, как и тульские офицеры, при этом внимательно изучали лицо.

Это было накануне моей поездки в Англию. и меня до сих

пор передергивает, когда об этом вспоминаю: до последнего момента не было уверенности, что Мелентьев не отдаст распоряжение меня остановить (буквально накануне писателя Василия Аксенова вернули с трапа самолета, когда он должен был лететь с делегацией за границу), и лишь в воздухе я поверил, что ЦК все же меня пустил.

Подчеркну, что рукопись “Артиста миманса” я представлял в “Новый мир” без двух кусков: мытарств Ильи Ильича с получением квартиры и иностранного гостя в партере (последнее — фотографически точное описание посещения театра Вальтером Ульбрихтом с женой, чему я был свидетелем однажды).

Редакция “Нового мира” в свою очередь убрала лобовое сравнение театра с государством, его пожар в кошмарном сне Ильи Ильича, место, где говорится, что на смену сошедшему со сцены премьеру явится другой такой же, рассуждение об “исподнем”, которым в лучшем случае займется время, заменены были разные слова, например, вместо “пшел вон” — “до свидания”, вместо “спецчасть” — “финансовая часть”, были чуть смягчены реплики Платонова.

А. Анатолий